ДУХОВНЫЙ РЕЗОНАНС СО ВРЕМЕНЕМ. ТВОРЧЕСТВО И СУДЬБА ДАНИИЛА ГРАНИНА

Санкт-Петербурский гуманитарный университет профсоюзов в серии “Почетные доктора университета” издал книгу выдающегося писателя Даниила Гранина “Интелегенды. Статьи. Выступления. Эссе”[1]. Сборник включает четыре раздела: “Война”, “Литература”, “Петербург и интеллигенция”, “О душе”. В книгу вошли рассказы о М. Горьком, И. Бунине, В. Шкловском, Н. Сладкове, избранные интервью писателя, в которых он рассказывает об истории создания “Блокадной книги” и биографии Н.В. Тимофеева-Ресовского, размышляет об отечественной истории, о войне и блокаде, о судьбах российской интеллигенции, проблемах и перспективах российского общества после распада СССР. В издание вошли также выступления и лекции Д.А. Гранина в Санкт-Петербургском гуманитарном университете профсоюзов — Даниил Гранин является почетным доктором университета, часто выступает перед студентами и преподавателями вуза, принимает активное участие в работе различных общественных и научных форумах.

Духовно-нравственная миссия писателя

По концепции известного психолога и писателя Э. Эриксона, источником гениальности является подобие человека и времени, когда личностная боль творца резонирует с актуальной проблематикой общества, когда модель индивидуального “исцеления” становится одновременно проектом духовного оздоровления культуры и общества.

Творчество и судьба Даниила Гранина полностью вписывается в эту концепцию. Издание представляет нам писателя с философским взглядом на мир, яркого и оригинального мыслителя, затрагивающего вечные вопросы бытия: свободы и ответственности, нравственности и совести, жизни и смерти. Публицистика Гранина — увлекательное нравственно поучительное путешествие во времени, в котором сливаются воедино художественность и документальность, исторические факты и детали судьбы конкретного человека. Нравственно ответственное слово писателя несет веру в человека и его созидательные возможности, надежду на лучшие для Родины времена. Публичные выступления и интервью писателя — это усилия подвижника, пытающегося наполнить смыслом духовную пустоту эпохи потребительства, гедонизма и лжи. Гранин умеет быть поучительным без назидательности, соединяя в своем творчестве глу-

[1] Даниил Гранин. Интелегенды: статьи, выступления, эссе. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: СПбГУП, 2015. 640 с. (Почетные доктора Университета). Слово “интелегенды” — неологизм автора, сочетающий в себе два понятия — “интеллигент” и “легенда”.

бинный анализ проблем с простотой изложения своих мыслей. Даниил Александрович постоянно подчеркивает, что его задача — ставить диагноз, а не давать рецепты. Между тем рецептом исцеления современного общества становится сама жизнь и судьба писателя, его глубокое понимание экзистенциальных проблем и чаяний человека.

В судьбе и творчестве Даниила Александровича, помимо писательской деятельности, была и миссионерская составляющая, смысл которой заключается в духовно-нравственном служении истине, правде и справедливости, в стремлении ставить не всегда приятный диагноз человеку и обществу. В этом плане Гранин повторяет судьбу русского философа Александра Зиновьева. На одной из встреч в нашем университете Зиновьеву был задан вопрос: почему вы так резко и категорично высказываетесь о реалиях этого мира? Ответ был таков: “Представьте, что группа слепцов, ведомая таким же слепым вожаком, приближается к пропасти, и гибель их неминуема. Я могу их спасти только одним: громко крикнуть “остановитесь!”. Именно в этом состоит смысл моей философской и социологической публицистики — крикнуть этому миру, который катится к пропасти, не ведая того, что он творит”.

По словам Даниила Александровича, беда наша в том, что “*мы живем без будущего, во всяком случае, наше обыденное сознание начисто лишилось представления о будущем: куда мы идем, какие перспективы у нас, чего добиваемся, чего хотим. Это ненормальное состояние жизни не только для общества, но и для каждого человека*”. Огромный жизненный опыт, способность чувствовать истину душой дают писателю право говорить о бессердечии и бессовестности нашего времени, о бездуховности человека, “зияющих пустотах” в сегодняшней русской культуре, об утрате духовной миссии писательского Логоса. “*Мне не нравится нынешнее время. Оно полно надувательства и фальши. В герои выходят бездари и проходимцы, жулики!. ...Мы еле удерживаемся, чтобы не зарасти шерстью, не рычать*”.

“Моя война пахнет страхом и солдатским потом”

В марте 2011 года на встрече с читателями в Центральной городской библиотеке им. Маяковского писатель так сказал о замысле романа “Мой лейтенант”: “*Я не хотел писать про войну, у меня были другие темы, но моя война оставалась нетронутой, она была единственная война в истории Второй мировой войны, которая проходила два с половиной года в окопах, — все 900 блокадных дней. Мы жили и воевали в окопах, мы хоронили наших погибших на кладбищах, пережили тяжелейший окопный быт*”. Писатель говорит о великой миссии исторической памяти, которая лежит в основе культуры, составляет ее глубинные истоки. Ядро духовного опыта народа составляет память человеческого подвига: “*Никто не забыт и ничто не забыто”, — слова Ольги Берггольц, высеченные на камнях Пискаревского кладбища, были прежде всего призывом, мольбой, обещанием. С годами их превратили в успокаивающее заверение, ибо на самом деле, на месте имен все чаще водружаются общие обелиски*”. “*Из всех кладбищ самые мертвые — воинские. Из всех могил самые усопшие — солдатские. Ряды одинаковых каменных крестов расходятся вширь и вглубь. Ни эпитафий, ни портретов, никаких аллегорий. Как шли строем на параде, так и уходят в вечность*”.

Читая воспоминания Гранина о военном времени, трудно изба-

виться от чувства благодарности молоденькому пареньку, который ушел на фронт добровольцем[2], прошел мясорубку отступления и Лужский рубеж, которому посчастливилось не погибнуть под пулей и не умереть с голоду в окопах под Ленинградом. И предупреждением современной Европе звучат слова Гранина о фашизме — самой опасной и гибельной для человечества болезни ненависти и непримиримости, тяжком преступлении, которое не подлежит амнистии истории. Эту болезнь спровоцировали идеологи и политики, "*но люди, обольщенные фашистской пропагандой, были жертвами в руках правителей, они истекали кровью и погибали, страдая и ужасаясь своей смерти. В последний смертный миг они молились о спасении так же, как и все люди*".

Город "королевского происхождения" и страданий

Даниил Александрович с большой любовью пишет о Санкт-Петербурге. "*Для меня это город, без которого я бы во многом не состоялся как писатель и, может быть, даже как человек. Этот город я защищал во время войны, восстанавливал после войны, о нем писал. Петербург — город, имеющий особое значение для России. Он всю свою жизнь тащит Россию в Европу. Или, точнее, к Европе. Правда, она, Россия, упирается. И здорово упирается*". Гранин говорит о том, что человеческое "Я" образуют не только история, литература и ближайшее окружение, но и то место, где человек живет. «*Если бы я жил не в Ленинграде, если бы в детстве жил не у Спасской церкви с пушками, если бы потом не на Петроградской стороне, если бы перед глазами моими не была набережная, в гранит одетая Нева, проспекты, то "Я", о котором тут идет речь, было бы несколько иное*».

Петербург Гранина — город неразгаданный и таинственный. Даниил Александрович признается, что, рассматривая черно-белые сюжетные гравюры М.В. Добужинского к повести Достоевского "Белые ночи", он понял мистику белых ночей: все светло, но дома и люди лишены теней.

Но Петербург для писателя — город не только красоты и таинственности, но и безмерной человеческой скорби. В истории XX века судьба Ленинграда—Петербурга неразрывно связана с Ленинградской блокадой. Писатель раскрывает историю написания и издания "Блокадной книги" — со всеми цензурными препонами и редакторскими правками. Он вспоминает, как не пропустили фрагменты про людоедство, мародерство, махинации с продуктовыми карточками, убрали нелицеприятные высказывания о Жданове, объясняя это идеологическими установками времени. Но Даниил Александрович не может понять, почему вычеркнули кусок про первую открытую в блокадном городе баню, в которой отопления хватало только на одно отделение, поэтому мужчины и женщины вынуждены были мыться вместе. "*Но это были не мужчины и не женщины. Это были просто скелеты, которые помогали друг другу, потому что поднять шайку с водой не могли. Глава была запрещена категорически как порнография. Хотя то был пример истинно целомудренных, трогательных отношений людей*". В свое время эта книга вызвала, с одной стороны, возмущение партийных историков, которые считали, что содержание разрушает героический образ ленинградской эпопеи. С другой стороны, "*последовали сотни писем блокадников, которые посылали свои рассказы, чтобы дополнить книгу, некоторые требовали от нас большей правды, говорили о том, что*

[2] В июле 1941 года Д.А. Гранин ушел в народное ополчение, отказавшись от брони инженера танкового конструкторского бюро Кировского завода, воевал на Ленинградском фронте в дивизии народного ополчения, в партию вступил в 1942 году, потом был направлен в Ульяновское танковое училище. Войну закончил командиром роты тяжелых танков в Восточной Пруссии.

мы приукрашиваем, были вещи куда страшнее и т. д. Книга эта была для нас цепью открытий. Мы увидели, что люди во время блокады относились друг к другу гораздо более сердечно, гуманно и милосердно, чем в конце семидесятых годов. Что ныне происходит процесс дегуманизации людей, очерствения, бессердечия; блокада в этом смысле — пример того, как в тех страшных условиях люди не позволяли себе эгоизма, который и в семидесятые, и вплоть до нынешнего времени позволяют себе".

Писатель позитивно оценивает возвращение городу имени — имя имеет онтологический статус, нередко выполняет мистические задачи, метафизически выражает нечто сущностное, которое ускользает от рационального понимания. "*Когда возвращается имя, то вместе с ним возвращается подлинность, история*". При этом Даниил Александрович с неизменным мягким юмором укоряет петербуржцев, в суете проходящих мимо красот нашего величественного города, который, "*как женщина, нуждается в том, чтобы его красоту замечали*…".

Быть милосердным — главное назначение человека

Сострадающая любовь лежит в основе *милосердия* — стержневого качества, определяющего смысл человеческого существования. Не случайно глава книги "Интелегенды" так и называется: "*Потерянное милосердие*", а ее центральная мысль удивительно проста: "*Я понял важную вещь: надо придерживаться принципов сочувствия*". Милосердие и благотворительность для писателя — явления принципиально бескорыстные: человек не имеет права ожидать от своих действий какой-либо выгоды. "*Нет рекламы, нет пиара, зачем я буду на это давать деньги, думают они. А на что тебе эти деньги? А что ты оставляешь после себя в этой жизни? Вот тут мы касаемся самого главного — нравственного смысла жизни, идеи жизни*".

Действительно, жизнь человеческая, если оценивать ее в категориях пользы, успеха и материального благополучия, не имеет смысла: "*Какой, в самом деле, смысл, если все неизбежно кончается смертью? Как писал Державин, «река времен в своем теченье уносит все дела людей…». Небольшой, частный смысл жизни можно найти в том, чтобы помогать другим. Любить их, сочувствовать им — в этом все-таки назначение человека. Ничего другого не остается*". Поэтому "*вернуть милосердие — это вернуть нравственность, вернуть понимание своего долга, понимание, что у нас есть общество, народ, а не население*".

О судьбах русской интеллигенции

Даниил Александрович отмечает главное душевное качество русского интеллигента: *совесть* — как способность услышать чужой голос, услышать весточку боли или радости. Олицетворением этого качества он считал А. Сахарова и Д. Лихачева, которые жили по самым высоким нравственным законам. Именно совесть определяет бытовую скромность, не позволяя русскому интеллигенту жить в роскоши. "*Богатая интеллигенция — это странное понятие. ...XX век прежде всего дал нам двух человек, которые являются предметом гордости нашей интеллигенции — это Сахаров и Лихачев. Я был знаком с ними обоими. Как жил Сахаров и как жил Лихачев? Не могу сказать бедно, это неправильно, но очень скромно. Я думаю, это была принципиальная скромность. Они не хотели позволить себе жить богато. Потому что это неприлично*".

В судьбе русской интеллигенции особую роль играла *идея справедливости и построения “царствия божьего” на земле* — сила такой идеи укрепляла ум и волю русского человека, и ради ее утверждения духовно русский интеллигент готов был пожертвовать самым дорогим — жизнью. Но эта идеальная устремленность, отмечает Д. Гранин, противоречива: с одной стороны, идея отвлекает от устройства земного мира. “*Мы не можем отказаться от идеи, — если она в нас «засела». ...В этом гениальность Достоевского — и абсолютная трагедия нашей истории*”. Вместе с тем, служение идее придает народу силу духа. Это особенно важно для русской цивилизации — без национальной идеи русский народ теряет смысл своего исторического существования. Д. Гранин ставит вопросы, которые заставляют задуматься: что делать народу, который потерял великую цель? Как, чем и во имя чего ему жить дальше? Что делать стране, которая теряет или почти потеряла интеллигенцию?

Интеллигентность, считает Д. Гранин, не обязательно предполагает оппозицию к власти. “*Врожденное свойство любой власти — быть неприятной. Вопрос только — как человеку себя с ней вести. У меня отношение к власти такое: с властью приходится считаться, власть иногда хочется и убеждать, и в чем-то поправлять. Это редко дает результаты, но все-таки иногда дает… Я не конфликтный человек, я писатель, а это главное. Либо надо конфликтовать, превратиться в диссидента, либо писать и работать. Но душа все-таки не может мириться с глупостями, безобразием, гадостями, с враньем, иногда душа возмущается*”. Писатель, поясняя свое отношение к проблеме взаимоотношений художника и власти, вспоминает сюжет, описанный Р. Ролланом: “*В 1812 году в Карлсбаде встретились Гете и Бетховен. Во время прогулки произошла любопытная сцена. На аллее показалась императорская фамилия. Увидев их издали, Гете оставил руку Бетховена и отошел на край дороги. “Тогда, — пишет Бетховен, — я надвинул шляпу на самые брови, застегнул сюртук и, заложив руки за спину, стремительно двинулся в самую гущу сановной толпы. Принцы и придворные стали шпалерами, герцог Рудольф снял передо мною шляпу, императрица поклонилась мне первая. Великие мира сего знают меня. Я имел удовольствие наблюдать, как вся эта процессия продефилировала мимо Гете. Он стоял на краю дороги, низко кланяясь, со шляпой в руке. И задал же я ему головомойку потом...*”. Д. Гранину поведение Бетховена симпатичнее, но он понимает и “немалую правду” Гете, который участием во власти “купил себе условия работы” и тем самым “*стал духовным властелином чуть ли не всей просвещенной Европы*”.

Писателя восхищает и поражает в человеке *чувство долга*, которое становится выше голода и страха смерти. Вот лишь один эпизод из блокадного времени: “*Есть масса вопросов, которые для меня самого остаются загадками… В Институте растениеводства им. Вавилова ... существовала замечательная коллекция семян, накопленная столетиями. Из них можно было бы варить кашу, их можно было бы как-то размягчить и есть, но сотрудники института себе этого не позволили. Вы знаете, вообще психология того времени сейчас становится все менее понятной. Она была построена на какой-то мечте о справедливости, на каких-то возвышенных принципах, утраченных и испорченных ныне… советский человек во многом, во всяком случае в чем-то значительном, превосходит человека нынешнего. Это че-*

ловек, у которого очень ранимая и работающая совесть".

В то же время Даниил Александрович с грустью фиксирует процесс вырождения русской интеллигенции: "*Уходит интеллигенция. Знаменитая русская интеллигенция. Ощущение было подспудное и неотступное. Путаная двухвековая история нашей интеллигенции, по-видимому, заканчивается. Примириться с этой мыслью нелегко. ...Интеллигенция потеряла свою функцию, она уже не идет впереди, поскольку не знает, куда идти, да и по*зади у нее никого уже не о*сталось. Все разбрелись по движениям, партиям. Устали от споров и разговоров*". Уходит то главное, что составляло "*наше бесспорное преимущество и привилегию перед всем миром*" — напряженная духовная жизнь, которая оправдывала нашу бедность и обиды, уходит особый мир общения, вместе с его радостями и тревогами, поисками смысла жизни и обсуждением "вечных проблем".

Личность и судьба писателя — в резонансе со временем

Даниил Гранин собственной судьбой и нервом творчества олицетворяет духовно-нравственный стержень русского интеллигента. Интеллигентность Даниила Александровича — в его обостренной совестливости, сверхчувствительности к чужой боли. "*Внешне Даниил Гранин прост, как просты в восприятии и его тексты. Но есть в этой простоте какое-то загадочное величие, выделяющее его не только в писательском ряду, но и во всей культуре России. Гранин — олицетворение русского человека, русской души. Никогда не стремящийся к самоидеализации и морщащийся при словах "совесть нации", он стал таковой удивительно естественным образом. Ушедший в то самое ленинградское ополчение, где на каждого вернувшегося оказалось 99 погибших, сохранивший достоинство в сосуществовании с безжалостной командно-административной машиной, не впавший в разврат ельцинского безвременья, этот человек обрел за свой век удивительный нравственный авторитет, личным бытием поддерживая моральный климат в обществе, напоминая о почти утраченных идеалах просвещения и гуманности, справедливости и милосердия. ...Несомненно, что Гранин вслед за Лихачевым стал выразителем дум и чаяний петербургской-ленинградской интеллигенции, носителем ее культурно-исторического кода. А затем стал и ее символом. В итоге и Лихачев, и Гранин оказались в одном ряду — фигур,* олицетворяющих простоту и величие русской культуры своего времени" (*А.С. Запесоцкий. Даниил Гранин: простота и величие русской культуры. Предисловие к книге "Интелегенды").*

Своей писательской и человеческой судьбой Д. Гранин демонстрирует высокое качество гражданина и патриота — *любовь к Родине*, которая сегодня особенно нуждается в таком отношении. "*Россия больна сегодня так, как не болела никогда. Как среди этой болезни остаться человеком? Человеком, который ее любит, любит ее историю, ее подвижников*?". Даниил Александрович не отрекается от своего времени, от советского прошлого, в котором народ демонстрировал самоотверженность и величие подвига. "*В последние десятилетия, особенно после 1991 года, мы стали относиться к советской эпохе высокомерно, пренебрежительно, даже стыдиться ее. Мы гордимся только победой — якобы это действительно был подвиг, а все остальное было ошибкой. Но это по меньшей мере странно. Огромная страна и народ с такой богатой историей мог прожить 70-летний пе-*

риод только потому, что в нем было что-то хорошее. Грешно и некрасиво отказываться от хорошего и помнить только плохое. Это относится и к личной судьбе каждого из нас. Наша жизнь состоит из хороших и плохих дней, заслуг и ошибок, а нередко даже из преступлений. И только когда она завершается и человек уходит, возникает цельная картина — что за жизнь это была".

В том, как живет и о чем пишет Д. Гранин, он предельно честен и правдив и с собой, и с читателем. "*Пришел день, когда я обнаружил в своей душе опасную трещину. Но в том-то и штука, что душа — это не сердце, и разрыва души быть не может*". Даниил Александрович верит в свое писательское призвание, но не скрывает своих сомнений по поводу возможности художественного слова менять мир. "*Говорят, что биография писателя — его книги. Но почему-то, когда я сижу за столом, работаю, меня мучает чувство утраты, мне кажется, что биография моя прерывается, что настоящая жизнь, с солнцем, морем, природой, встречами, эта жизнь проходит мимо, она слышна за окнами смехом детей и шумом машин. А когда я не пишу, а гуляю с друзьями, куда-то еду, я корю себя за то, что не работаю, трачу время впустую. Наверное, такое противоречие неизбежно, но оно доставляет немало горя, оно портит жизнь. Не хочется работать за счет жизни, лучше все же жить за счет работы, потому что жизнь — она выше, она дороже. Ну еще одна книга — говорю я себе, — что от этого изменится? Доказываю себе, что ничего, — и тем не менее сажусь писать...*".

Встречи с самим собой — говорит он, самые трудные. "*К сожалению, мало кто из нас хочет встречаться с самим собой…*". Он с большим уважением относится к себе двадцатилетнему, который пошел воевать в народное ополчение. Но он осуждает себя тридцати-сорокалетнего, который мирился со многими творящимися вокруг безобразиями, а иногда и участвовал в них. Ему жалко того Гранина, который плакал, когда умер Сталин, стыдно за его "*зашоренность, глупость, неисторическое мышление*". Гранина часто называют образцом чести, нравственным эталоном, совестью нации. Даниил Александрович относится к этому с иронией, считает все это сильным преувеличением. "*Моя жизнь полна грехов. Был грешен и хочу грешить и дальше*".

Д. Гранин глубинно *оптимистичен* — даже в самых отчаянных ситуациях он мог утешать себя простыми вещами: тем, что уцелел на войне, что делает нужное людям дело, что для своего возраста достаточно здоров и работоспособен. "*Вообще тем, что существует этот прекрасный божий мир, которому плевать на нас, на все наши беды и который так прекрасен, что грех жаловаться на то, что наша маленькая жизнь не удалась…*".

Писатель с улыбкой говорит о секретах своего долголетия: "*Недавно ко мне пришли геронтологи и спрашивают: почему я до сих пор жив? А я им объясняю: во-первых, потому что никогда об этом не задумывался. Во-вторых, когда вернулся с фронта, я долгое время пребывал с ощущением счастья. И это ощущение продолжаю сохранять и теперь. А в-третьих, я очень благодарен маме с папой. Ну да, за генетику тоже. А еще — своей жене, сейчас уже покойной, которую очень любил. И дочке, которую очень люблю. Любовь — это главное, что помогает жить*".

Даниил Александрович не скрывает, что он — счастливый человек. "*Я пишу, и мне нравится этим заниматься. Когда я работаю, я наслаждаюсь... Но иногда мне тяжело. Я ощущаю недостаток таланта, времени, сил. Иногда*

бывает сложно выразить мысль так, чтобы весь ее смысл был понятен. Тем не менее работа приносит мне огромное удовлетворение". Но для счастья человек должен услышать зов судьбы. "*Я думаю, самое сложное в жизни человека — найти себя, свое призвание, возможность себя реализовать… Человек, для того чтобы узнать свои способности, почувствовать свое призвание, должен проделать огромную внутреннюю работу, которая не всегда кончается успехом, и тогда человек проживает свою жизнь, так и не узнав, для чего он рожден. …Это огромная человеческая проблема…"*.

В человеческой жизни и судьбе много таинственного. В самом процессе художественной деятельности, считает писатель, есть нечто, уравнивающее человека с Богом. Художник обретает особый масштаб, он становится Создателем: "*Вот мне сейчас делали операцию. Я спросил хирурга после операции: "А что такое сердце? Вы столько сердец держали в руках! Что же такое сердце?" Он мне сказал: "Сердце — это насос, и больше ничего. Насос, клапаны". Я говорю: "А откуда же выражение "сердечный человек", "бессердечный"?" Он говорит: "Это все ваша литература". …Но большой художник проникает дальше, чем обычные люди. Он видит такие вещи, какие мы не видим. Это его преимущество, свойство гения, его отличие от таланта. Гений видит неоткрытые звезды*".

Писатель Даниил Гранин относится к своему поразительному творческому долголетию как к чуду, которое сопровождает всю его жизнь: чудо состоит в том, что выжил на войне, где из его танковой роты уцелели единицы, в том, что сумел пережить все парадоксы и ужасы XX века. Но главное чудо — быть человеком вопреки времени и обстоятельствам. "*Мы прожили странную, удивительную жизнь. ...Оставаться человеком с достоинством среди такого безобразия — это, наверное, главный итог*".

Не будет преувеличением сказать, что Слово Даниила Гранина в значительной степени повлияло на духовную жизнь и ценностные приоритеты значительной части нашего общества второй половины XX века и прежде всего русской интеллигенции. И это закономерно — слово в русской культуре получает особый статус, особенно если это слово талантливого человека. Даниил Александрович своим творчеством продолжает традиции русской гуманитарной мысли, которая всегда рассматривала слово как нечто большее, чем имя вещей. Слово в русской культуре — это то, что было в *Начале,* это *Логос*, противостоящий хаосу, идея, предваряющая и определяющая саму действительность. Творящая миссия Слова — в его способности быть "сопричастным бытию" (П. Флоренский). В этом плане отягощенное интеллектом, душой и сердцем слово Даниила Гранина играет в сегодняшнем культурном пространстве особую роль: оно становится идеей, "требующей" своего воплощения.

© 2016 А.П. МАРКОВ,
доктор культурологии, профессор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов